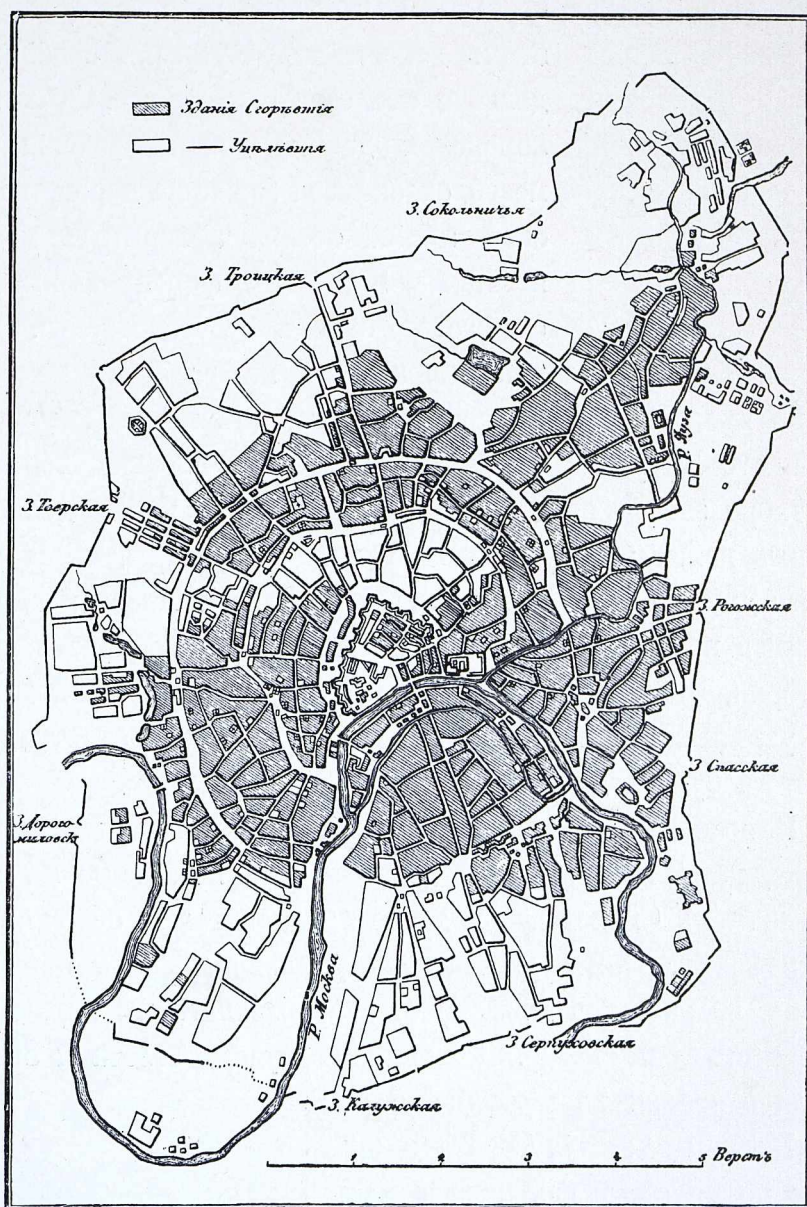

Купцы Поздняковъ, Кольчугинъ и другіе, награжденные такими бумажками, не рѣшались распространять ихъ, а директоръ Воспитательнаго дома, Тутолминъ, прямо отказалъ принять такую помощь: „Ихъ была одна зловредность,—доносилъ онъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ:—чтобы ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число и ими даже, по повелѣнію Наполеона, выдавали своимъ войскамъ жалованье“. Гвардія неохотно брала эти бумажки, хотя онѣ были хорошо поддѣланы и даже потомъ наши банки ихъ принимали.

Какъ ни ужасно было положеніе Москвы и непріятельской арміи, но для Наполеона молчаніе Александра было грознѣе. Уже около двухъ недѣль прошло съ того времени, когда онъ отправилъ первое письмо къ Государю, и не имѣлъ еще не только отвѣта, но даже обыкновеннаго извѣщенія о полученіи письма. Тревожное недоумѣніе тяготило Наполеона. Онъ видѣлъ

приближеніе зимы и голода; видѣлъ опасность, которая грозила ему отъ расположенія нашей арміи у Тарутина во флангъ и тылъ французовъ, и рѣшился просить мира. 22-го сентября Лористонъ былъ отправленъ къ князю Кутузову съ формальнымъ о томъ предложеніемъ. Кутузовъ объявилъ, что ему запрещено даже произносить слова—„миръ и перемиріе“, но отправилъ съ княземъ Волконскимъ письмо Наполеона и донесеніе о разговорѣ съ Лористономъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ разрѣшенія прибыть въ Петербургъ, къ Государю.

Планъ Москвы съ показаніемъ сгорѣвшихъ частей.

По полученіи донесенія Кутузова, Императоръ Александръ изъяснилъ главнокомандующему свое неудовольствіе въ собственноручномъ письмѣ, которое заканчивалось такъ:

«Всѣ свидѣнія, отъ меня къ вамъ доходящія, и всѣ предначертанія мои, въ указахъ, на имя ваше изъясняемыя, и однимъ словомъ все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество.»

«Александръ».

По полученіи еще извѣстія о Бородинскомъ сраженіи, Императоръ Александръ отправилъ къ Кутузову, 31-го августа, флигель-адъютанта Чернышева съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью, совокупными усиліями всѣхъ нашихъ армій, запретить Наполеону выходъ изъ Россіи. Сущность плана, задуманнаго Государемъ, заключалась въ томъ, чтобы русскія войска, дѣйствовавшія на флангахъ театра войны (на Двинѣ и на Западномъ Бугѣ), усиленные подкрѣпленіями, оттѣснили стоявшаго противъ нихъ непріятеля и потомъ направились въ тылъ великой арміи Наполеона, атакованной въ то же время съ фронта нашими главными силами. Привезенный Чернышевымъ планъ Кутузову, имѣвшему главную квартиру въ Красной Пахрѣ, не потерялъ своего значенія и былъ выполненъ въ его основныхъ чертахъ, но главная задача, начертанная Александромъ—преградить путь Наполеону на берегахъ Березины, какъ увидимъ, вслѣдствіе многихъ ошибокъ, не была достигнута.

Но народъ не зналъ ничего объ этомъ планѣ Государя, и среди политическихъ тревогъ даже дворянство громко винило Александра въ бѣдствіяхъ государства. Въ день коронаціи Але-